

ДИНАМИКА АТТРАКЦИИ УПРАВЛЕНИЯ

(на материале литовских диалектов)

ПАБРЕЖА ЮОЗАС

Литовский пединститут им К. Прежшаса
Кафедра литовского языка
235400 Лит. ССР, Шяуляй

Резюме

На значительной территории жятайтского диалекта аттракция ударения представляет собой новое явление. Однако зародыши этого процесса могут быть очень древними и восходить к периоду интенсивных куршско-жемайтских контактов. Куршский язык мог дать первичный импульс для аттракции ударения, однако, если и принять "куршскую" гипотезу, то все же следует признать, что аттракция ударения в северожемайтском наречии более просто и убедительно объясняется не языковыми контактами, а внутриязыковыми мотивами, среди которых главными являются редукция безударных гласных, определенные морфологические факторы, а также характер фразовой интонации.

Одной из важнейших черт просодии северожемайтского наречия является аттракция ударения — его оттяжка с конечного и долгого циркумфлектированного слога, напр.: *dega* ← *dega* "хорошая", *vaika* ← *vaikai* "дети". Большинство литовских диалектологов считает, что аттракция представляет собой совершенно регулярное и законченное явление, не допускающее почти никаких исключений. Однако при более близком рассмотрении оказывается, что данная закономерность на уровне спонтанной, живой речи не является абсолютной, т.е. аттракция ударения в современном северожемайтском наречии представляет собой не статическое (законченное), а динамическое явление. В настоящем исследовании рассматриваются именно такие случаи колебания аттракции ударения, возможные причины этого явления. Диакронические гипотезы проверяются точными статистическими методами на основе систематического анализа магнитофонных записей спонтанной связной речи. Все статистические данные обработаны с помощью электронно-вычислительной машины.

Полученные результаты показывают, что аттракция ударения и её отсутствие в северожемайтском наречии подчиняется довольно четким внутренним закономерностям. Прежде

всего, она зависит от определенных фонетических факторов: с долгих окончаний ударение не оттягивается значительно чаще, чем с кратких. Во вторых, сильное влияние на аттракцию ударения или её отсутствие оказывает морфологический фактор, который можно определить как тенденцию к колунальной акцентуации, напр.: результаты аттракции ударения в местоимениях существенно отличаются от его оттяжки в других именных словах, поскольку многие местоимения являются целиком окситоническими по своей природе; глагольные формы 3-го лица будущего времени исключительно часто сохраняют конечное ударение, несомненно, под воздействием 1-го и 2-го лица (ср.: *užrūko*, *užrūki* и *užrūks* "рассержусь, рассердитесь, рассердитесь"); неизменяемые слова более часто сохраняют конечное ударение, чем изменяемые и т.д.

Большое (и даже, может быть, решающее) значение для генезиса и развития аттракции имели интонационные факторы. Ударение чаще всего не оттягивается в том случае, когда слово имеет логический акцент, и особенно, если оно произносится с восходящей интонацией, напр.: *ka jau mēgę marėle*, *e rariak i ruriėle* "когда уж умерла Марьяле, и ничего тут не поделаешь". По-видимому, прежде всего аттракция ударения началась в слабых позициях фразы, т.е. в словах, лишенных логического акцента; затем этот процесс охватил и окончания акцентированных окситонических словоформ, если они не имели определенно-дополнительного стилистического оттенка (например, сильной эфазы). Наконец, окситоническое ударение с течением времени постепенно теряет даже стилистическую функцию и вытесняется из всех позиций. Следы этого процесса видны и в современных северожемайтских говорах: в южной части сохраненное окситоническое ударение является сигналом простого логического акцента, в северожемайтских говорах средней полосы — сигналом экспрессивного (эмфатического) логического акцента, а в северной части всякая закономерность практически теряется — окситоническое ударение появляется лишь как крайне редкое исключение. Связь между колебаниями ударения (аттракцией, переносом) и интонацией отмечена в латшском /1/, французском /2/, английском /3/, польском /4/, исландском

/5/, корейском /6/ и во многих других языках мира.

В проведенном исследовании выявлена закономерная связь между аттракцией ударения и редукцией окончаний: по направлению с юга на север редукция постепенно усиливается, а степень аттракции также постепенно возрастает. Следовательно, можно утверждать, что аттракция ударения является своеобразным проявлением редукции, причем более архаичными являются те варианты словоформ, которые сохраняют конечное ударение и имеют отчетливо произносимое окончание (промежуточное положение занимает вариант с колунальной неконечной акцентуацией). С усилением редукции неокситонические варианты закрепляются и становятся абсолютно преобладающими. Аттракцию ударения с редукцией связывают также интонационные факторы более общего характера. В одном и том же отрезке текста ударение весьма часто не оттягивается в том случае, когда слово находится под логическим акцентом, а отчетливо произносимое (т.е. нередуцированное) окончание тоже связано с более экспрессивным интонированием фразы, напр.: *tik žaltė mon piėru* ↓ *pedaĩnkė* "только, мерзавиш, мне на нервах не играйте", *dabar jau verė žinta metu ir* "теперь уже сто с лишним лет". Как видно, в одном и том же высказывании одни эмоционально окрашенные слова часто сохраняют окситоническое ударение (*žaltė*, *dabar*), другие же сохраняют нередуцированное окончание (*piėru*, *žinta*, *metu*).

Сам процесс аттракции ударения, очевидно, начался в северной (раннее — в северо-западной) части диалекта и постепенно распространялся в южном направлении. Зона аттракции продвигается к югу и в настоящее время. Во времена К. Юнуса (1848-1908) в его родном кведарнском городе аттракция ударения не было (за исключением так называемой лимонии /7/); теперь же этот говор уже имеет полную (правда, сильно колеблющуюся) аттракцию. Следовательно, на самом деле аттракция ударения во многих местах представляет собой новое явление.

Аттракция ударения не только распространяется географически, но и становится все более последовательной. Любопытно, что почти во всех обследованных нами населенных пунктах северожемайтского наречия ударение наиболее регулярно оттягивают не самые старые, а, наоборот, наиболее молодые информанты. Например, в речи представителя жемальского говора, рожившегося в 1887 г., ударение на конце слова сохраняется в 100% всех окситонических форм, а в речи более молодого информанта (1906 г. рожд.) — 5,7%. В речи одного из старейших жителей Жемальчи (1890 г. рожд.) словоформ с сохраненным конечным ударением встретилось 24,9%, а в речи представителя этого же поколения (1915 г. рожд.) — только 12,4%. Замечено также, что и редукция окончаний в речи более молодых северных жемайтов выражена значительно силь-

нее, чем у престарелых информантов, а это, в свою очередь, может способствовать более сильной аттракции ударения. По-видимому, усиление аттракции в настоящее время стимулируется гиперкоррекцией "снизу", возникающей под влиянием литературного языка. Следовательно, происходит своеобразная поляризация /8/ диалекта по отношению к литературному языку.

Определить момент начала процесса аттракции ударения по имеющимся данным трудно. Многие лингвисты по этому вопросу сильно расходятся: одни аттракцию ударения считают древним явлением /9/, другие — совершенно новым /10/. Как показывает наше исследование, на значительной территории жемайтского диалекта аттракция ударения, вне всякого сомнения, представляет собой новое явление. Однако зародыши этого процесса в самом центре его возникновения могут быть очень древними и восходить к периоду интенсивных куршско-жемайтских контактов. Куршский язык мог дать первичный импульс для аттракции ударения, однако его влияние вряд ли было таким прямолинейным, каким его обычно представляют. Здесь важное значение могли иметь и различные косвенные влияния. Например, вполне обоснованно считается, что курши (как пруссы, западные литовцы и латыши) сокращали конец слова /II/. Поэтому представляется совсем реальным, что у них могла быть позаимствована тенденция к редукции конца слова, которая, в свою очередь, могла вызвать развитие аттракции ударения. Также возможно, что у куршей были позаимствованы определенные интонационные модели: яркий контраст акцентированных-неакцентированных слов мог оказать влияние как на редукцию, так и на аттракцию ударения. С куршским влиянием могла быть связана и резкая каденция конца фразы, которая способствовала редукции окончаний и аттракции ударения в конечных словах фразы. Как показало наше исследование в северожемайтских говорах слова с окситонической акцентуацией крайне редко встречаются в абсолютном конце предложения (например, в Барстичай (один из населенных пунктов территории северожемайтского наречия) из 107 слов с сохраненным конечным ударением только 8 (или 7,6%) находились в конце предложения (напр.: *mėna vėks nebėms mergaitė davardė* "мой ребенок не будет носить девичью фамилию").

Визуальные языковые контакты усматриваются и в тенденциях упрощения, "нормализации" морфологии, в некоторых выравниваниях по аналогии, характерных для западных говоров северожемайтского наречия. Предполагается, что обобщение перехода конечных *i*, *u* в *e*, *o* (т.е. упразднение ассимиляции гласных) в этих говорах как раз и обусловили интенсивные языковые контакты с такими диалектами, для которых явление ассимиляции должно быть чуждым. Наконец, куршский субстрат мог вызвать стремление к упразднению аффрикат, т.е. в

функциональном отношении нецелесообразно-го чередования согласных t':q' - d':dž' в западных говорах. Любопытно, что исчезновение этого чередования, как и аттракция ударения, всё более распространяется /12/. Имея в виду эти факты вполне обоснованно можно предполагать, что и "агрессивность" морфологических факторов, тенденция к колунальной акцентуации могут объясняться теми же причинами - упрощением морфологической системы, связанным с языковыми контактами.

Следовательно, прямолинейно отбросить влияние куршского субстрата на аттракцию ударения никоим образом нельзя, однако, если и принять "куршскую" гипотезу, то всё же следует признать, что аттракция ударения в северожемайтском наречии, особенно сам ее процесс и географическое распространение, более просто и убедительно объясняется не языковыми контактами, а внутриязыковыми мотивами, среди которых главными являются редукция безударных гласных, определенно морфологические факторы (тенденция к колунальной акцентуации и т.п.), а также характер бразовой интонации /13/.

- /1/ Rudzīte M. Latviešu dialektoloģija, Rīga, 1964.
- /2/ Leon P. Patrons expressifs de l'intonation. - Acta Univ. Carolinae. Philologica I. Phonetica Pragensia III, 1972.
- /3/ Bolinger D. L. Accent Predictable. - Language, 1972, vol. 48, N 3.
- /4/ Dogil G. Autosegmental Phonology in Contrastive Linguistics. - In: Theoretical Issues in Contrastive Linguistics, Amsterdam, 1980.
- /5/ Benediktsson H. The Non-uniqueness of Phonemic Solutions. - Phonetica, 1963, vol. 10, IV 3-4.
- /6/ Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию, Москва, 1969.
- /7/ Jaunius K. Dialektologiniai darbai, Kaunas, 1891-1900.
- /8/ Girdenis A. Žemaičių džiukavimas: dabartinė padėtis ir istorija. - Baltistica, 1980, t. 16(1).
- /9/ Grinaveckis V. Dėl lietuvių kalbos tarmių kirčio atitraukimo kilmės. - LTSR MA darbai. Ser. A, 1977, t. 4(61).
- /10/ Girdenis A., Rosinas A. Keletas samprotavimų dialektologinės fonetikos klausimais. - Baltistica, 1976, t. 12(2).
- /11/ Girdenis A. Kursių substrato problema šiaurės Žemaičių teritorijoje. - Kn.: Iš lietuvių etnogenezės. Vilnius, 1981.
- /12/ Girdenis A. Baltiškųjų tj, dj refleksai 1759 m. "Žyvate". - Baltistica, 1972, t. 8 (2).
- /13/ Pabrėža J. Diachroninės pastabos apie kirčio atitraukimą šiaurės Žemaičių tarmėje. - Baltistica, 1986, t. 22(2).